

УДК 028(470.323)

**ЧТО ЧИТАЛИ КУРСКИЕ ГИМНАЗИСТЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОМАНОВ Е. Л. МАРКОВА)**

С. П. Праведников

*Курский государственный университет,
Курск, Россия, kafedraksu@yandex.ru*

Н. В. Францова

*Курский государственный университет,
Курск, Россия, n.frantsova@mail.ru*

В статье на материале автобиографических романов известного курского писателя Е. Л. Маркова рассматривается лексика, связанная с процессом чтения. Основное внимание уделяется периоду обучения героев в курской гимназии. Описываются предпочтения гимназистов как в учебной сфере, так и в области художественной литературы.

Ключевые слова: Е. Л. Марков; автобиографический роман; курские гимназисты; процесс чтения.

**WHAT THE KURSK HIGH SCHOOL STUDENTS READ
(BASED ON THE NOVELS BY E. L. MARKOV)**

S. P. Pravednikov

*Kursk State University,
Kursk, Russia, kafedraksu@yandex.ru*

N. V. Frantsova

*Kursk State University,
Kursk, Russia, n.frantsova@mail.ru*

The article examines the vocabulary associated with the reading process using the material of autobiographical novels by the famous Kursk writer E. L. Markov. The main focus is on the period of study of the heroes in the Kursk gymnasium. The preferences of the gymnasium students are described both in the educational sphere and in the field of fiction.

Key words: E. L. Markov; autobiographical novel; Kursk high school students; reading process.

Актуальность процесса чтения в дореволюционных учебных заведениях России никогда не подвергалась сомнению. Учебная и внеурочная деятельность всегда сопровождалась обращением к печатному слову. Что же именно читали гимназисты? Попытаемся ответить на этот вопрос, обратившись к текстам автобиографической дилогии курского писателя Евгения Львовича Маркова [1; 2], чье творчество в последнее время активно исследуется.

Е. Л. Марков — русский беллетрист, критик, этнограф — оставил в наследство русскому читателю весьма объемные и разнообразные материалы, среди которых особое место занимает повествование об учебных днях учащихся Курской гимназии (именно ее окончил автор).

Обратимся к глаголу «*читать*» и рассмотрим его дистрибутивные связи. Следует отметить, что глагол многозначен и в марковских текстах используется в разных значениях. Одно из значений глагола «*читать*» — «произносить (какой-либо текст) наизусть» [3, с. 682].

Воссоздавая в романе «Учебные годы старого барчука» регламентированную жизнь гимназистов, Марков пишет о том, что каждый учебный день в гимназии начинается с произнесения традиционной молитвы: «Быстро, четко *читается* „Молитва перед учением“. Шутки и смех сами собою замирают не только на губах, но даже в глубоких недрах сердца, как летние цветы на зимнем морозе» (*здесь и далее курсив наш.* — С. П., Н. Ф.) [2, с. 407].

Также с молитвы начинается и каждое учебное занятие: «Придет, бывало, в класс весь сияющий какими-то непонятными злыми улыбками, потирая от удовольствия руки.

— *Читайте* молитву!

Мы живо отблаговестим „Преплагий Господи“» [2, с. 303–304].

В каких-то случаях это происходит почти что автоматически: «Класс шумно встает и, не дожидаясь команды учителя, *читает* молитву» [2, с. 357], иногда же становится началом конфликта, сопровождается неудовольствием, глухим сопротивлением (все зависит от ситуации, настроения и — прежде всего — от личности учителя, его позиции, его отношения к обучающимся): «Все встали с лавок, но молитвы никто не *читал*.

— *Шитать* молитва, говорю вам! — сердито крикнул Гольц, стукнув ногою о пол. — Титов, ты дежурна, *шитай* молитва.

— Я не дежурный, Оскар Оскарыч. Я *читал* третьего дня, с какой стати я буду сегодня *читать*? — ответил Титов» [2, с. 579].

Отношение к чтению молитвы индивидуально, у героя романа оно идет из далекого детства и связано с его личным восприятием и переживаниями: « — Ну спи, спи!.. — успокаивает бабуся, укрывая свое детище с головою и нашептывая „да воскреснет Бог“ таким могильным голосом,

от которого делается еще страшнее. Я боялся этой молитвы до ужаса. Когда бабуся хрипло, полусонно и как-то торжественно-мрачно произносила недоступные мне слова: „расточатся врази его“, „да погибнут беси“, „от лица огня“, — я дрожал в холодном поту. Мне казалось, что бабуся не молитву *читает*, а делает колдовское заклинание; что она напускает эти страшные слова живым в темноту комнаты, и что они остаются потом на лежанке, за сундуком, в черном пятне на потолке, и отовсюду глядят на меня и страшат меня» [1, с. 185–186].

На детские страхи наслаиваются и впечатления от траурных событий, которые также сопровождаются богослужебным чтением: «В комнате стоит какой-то строгий монашеский шепот, и сквозь него слышатся порою какие-то торжественные слова, те самые, что мы с трепетом слушали над гробом покойного дедушки, что *читались* потом на парчовых налоях, среди множества горящих свечей, из больших черных книг» [1, с. 189–190].

Со временем негативное отношение отодвигается на задний план, уступает место праздничному, торжественному, заполняющему радостью душу событию, поскольку именно так принимают чтение молитвы родные, близкие, все те, от которых в принципе не может исходить ничего дурного и темного. Вот как воспринимается мальчиком Пасхальная служба: «Парчовые налои с большими серебряными подсвечниками, уставленными свечками, где дьячки в золотых стихарях *читают* большие кожаные книги, кажутся мне сверкающими островами среди этого людского моря. Непонятные торжественные слова вычитываются и выкрикиваются в разных углах церкви то попом, то дьяконом, то дьячками, покрывая собою немолчный гул передвигающихся ног, оханье и шепот молитвы. Ухо не слушает этих слов, и мысль не ловит их смысла... Во всем чувствуется какое-то особенное великое празднество, не похожее ни на какие другие. Не молишься и не можешь молиться, все смотришь. Да и другие никто не молится, только смотрят. На душе такое торжество! И видишь, что у всех то же на душе, что все мы вместе стоим тут и празднуем праздник» [1, с. 255].

И это чувство в конечном итоге закрепляется в душе и сопровождает героя в самостоятельной гимназической жизни. А гимназическая жизнь — это восприемница жизни домашней, жизни в родительском доме.

Другое значение глагола «*читать*» — «излагать устно слушателям (какие-либо сведения, содержание чего-либо)» [3, с. 682] — в тексте отмечено лишь дважды: «Проповедь против табакокурения была любимую темою Ивана Николаевича, и все уже знали ее на память, но все-таки любили слушать».

— Эх, Иван Николаич, Иван Николаич! Хорошо вам эти лекции *читать*! — укоризненно сказал Баранок. — А вот если бы вы сами привыкли с детства к табаку, так увидели бы, как легко его бросать... Иногда кажется, лучше б с жизнью расстался, чем папироску не докурить» [2, с. 255].

Эту реплику в сторону гимназического врача бросает ученик гимназии Баранок, который охарактеризован автором как нерадивый второкурсник: «Не дай Бог, если кто-нибудь из этих толстокожих лентяев затеет шумные развлечения во время класса истории. Калинович, весь красный от гнева, с молниями негодования в глазах, сейчас же бросит свой рассказ.

— Что я, господа, мальчишкам уличным сказки, побасенки *читаю*? — крикнет он, озирая класс с выражением самого искреннего презрения. — Если вам скучно заниматься историей, то я из класса уйду, чтобы вам не мешать!» [2, с. 375].

Подобных «недорослей» в гимназии видим немало, на них практически невозможно оказать какое-либо результативное воздействие, поэтому как в первом, так и во втором примере мы можем констатировать ироническую интонацию реплик, содержащих глагол «*читать*».

Основное значение — «воспринимать что-либо написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками, произнося вслух или воспроизводя про себя» [3, с. 682] — используется Марковым гораздо чаще.

Читать книги герой автобиографического романа начинает еще дома: «К учению бабуся нас нудила неумолимо: увидит, бывало, что я болтаюсь с книжкой, сейчас сунет книгу к носу, почти всегда кверху ногами, и учнет стучать в мой ленивый лоб своим костлявым пальцем:

— Вот уж учитель придет, урок с тебя спросит, будет тебе от папеньки дерка! Полно тебе день-деньской баклуши бить, *читай* хорошенько книжку!» [1, с. 185].

Чтение в гимназии описывается Марковым как обращение учеников к печатному тексту в разных жизненных ситуациях с вариативным психологическим настроением. Первый вариант такого чтения — необходимый. Это освоение учебной и другой литературы, рекомендуемой к изучению в рамках программы. Второй вариант — литература необязательная, но интересная, захватывающая, воспитывающая. Автор не ставит перед собой цель описывать ни первую, ни вторую части читательского списка. В тексте романа, в основном, упоминаются книги, сюжетно востребованные, необходимые для углубления контекста повествования.

Так, при описании первой встречи братьев Шараповых с гимназическим начальством, которая представляла собой своеобразное вступительное испытание, где делалась попытка определить, насколько вчерашние «барчуки» подготовлены к освоению учебного курса, были упомянуты

некоторые книги по основным гимназическим курсам (немецкий язык, русская словесность и грамматика, обязательный катехизис): «Мое чтение, после Алёшина, никуда не годилось. Я никак не мог различить в проклятой немецкой печати Зейденштюкера — где стоит f, где s, и все большие e *читал* за с» [2, с. 132].

«Алеша стал сейчас же чеканить своим пронзительным голосенком, будто только и ждал этого:

— Nominativus: der blinde Mann, genitivus: des blinden Mannes...

И пошел, и пошел, будто по книжке *читал!*» [2, с. 133].

«*Читать* пришлось из отдела „духовного витийства“ проповедь Георгия Кониссаго на прибытие Екатерины Второй: „Оставим астрономам доказывать, что Земля вокруг Солнца обращается; наше Солнце вокруг нас ходит, и ходит для того, да в мире почиём“» [2, с. 134-135].

«— А в главе шестнадцатой катехизиса, о первом прощении молитвы Господней, что *читаем?* — важно спросил он.

— Вопрос: не достаточно ли молитвы внутренней без внешней? Ответ: поелику человек состоит из души и тела, то о сем бесполезно и спрашивать, — тем же певучим самодовольным тоном, без запинки и раздумья, как на почтовых, катал Алеша.

Он знал наизусть весь катехизис Филарета с вопросами и ответами, и готов был хоть сейчас выложить его весь, от доски до доски. Батюшка одобрительно покачивал головою в такт его певучей речи» [2, с. 148].

В тексте упоминаются произведения так называемой приключенческой литературы — те романы и повести, которые на долгие времена попали в разряд «нужных книг» (В. С. Высоцкий). Среди них сочинения Д. Ф. Купера, А. Дюма-отца, В. Скотта — все то, что способствовало формированию сильного характера, развитию лучших мужских качеств, воспитанию воина-защитника, патриота, порядочного человека: «Алеша подсунул мне под дверь бумагу, карандаш, ножичек, даже „Три мушкетера“, что мы купили с восторгом на свои собственные деньги в первый же свой отпуск и *читали* еще с большим восторгом на уроках чистописания и французского языка» [2, с. 179].

«В уме моем как стрелы мелькали торопливые воспоминания и соображения из области прочитанных мною описаний битв и поединков, которыми как фаршем была начинена моя романтическая голова.

Как нарочно, мы только что *читали* всем классом в течение нескольких вечеров „Ивангое“ Вальтер Скотта, и знаменитый турнир в Эшби-дела-Зуш целиком, как гравюра на медной доске, стоял теперь живой перед моим воображением» [2, с. 199–200].

Чтение подобной литературы зачастую идет в ущерб основным занятиям, к чему учителя, как правило, относятся отрицательно.

«— Эсаулченко!.. Какую это ты книгу под партой прячешь?..

Сунет в ужасе Эсаулченко книгу далеко от себя и вскочит, весь красный.

— Я не *читаю*-с... Я ничего-с... Я только шапку переложил, чтобы не мешала...

— Что это? Романы? „Парижские тайны“? Ах ты парижанин паршивый! Я тебе задам таких тайн! Ты бы вот тайны латинской грамматики лучше изучал, единиц бы меньше получал!» [2, с. 409–410].

Гимназисты, безусловно, не представляли собой однородную массу. Каждый из них по-своему относился к необходимости пребывать в стенах гимназии, к учебе, чтению, преподавателям — к жизни в целом. Братья Шараповы не были идеальными учениками, им было свойственно многое из того, что осуждалось и наказывалось во взрослом мире. Но главным качеством они обладали — глубоким уважением к процессу познания, почтением к людям, хорошо освоившим свой предмет и щедро делящимся знаниями и опытом, с уважением и пониманием относящимся к гимназистам — своим младшим почти коллегам и товарищам. Показателен диалог Алеша Шарапова с врачом Иваном Николаевичем: «спокойно сказал Алеша:

— Тут целый день *читать* можно.

— Вот это напрасно; зачем *читать* не в меру? У тебя и без того совсем ослаблена жизненная сила органов...

— Я бы целый день не отходил от книги. Я ведь серьезные книги все *читаю*; чем книга серьезнее, тем мне интереснее. Вот теперь Карамзина историю кончаю, междуцарствие...» [2, с. 232–233].

О подобных людях — учителях, врачах — автор говорит с нескрываемым восхищением. Так, например, в характеристике врача гимназии сделан акцент на широту кругозора, блестящее знание древних языков, профессионализм человека, общение с которым формировало в гимназистах уважение к чтению, к книгам, к науке: «Иван Николаевич принадлежал к сонму тех медиков-натуралистов, которые в подлиннике *читали* Галена и Парацельса, знали наизусть Аристотеля, Феофраста, Лукреция; писали и говорили не только на языке Цицерона, но и на языке Демосфена так же бегло, как по-русски» [2, с. 247].

Среди обучающихся было много откровенно не желающих учиться — это были гимназисты, по несколько раз проходившие обучение в одном и том же классе, второгодники. В силу определенных обстоятельств многие из них пользовались непререкаемым авторитетом, для многих служили примером, и их отношение к учебному процессу и пребыванию в стенах гимназии негативно сказывалось на младших учениках. Е. Л. Марков так описывает ситуацию, которая очень часто возникала на уроках:

«Бедный наш Адамович с усилием одолевает какую-нибудь латинскую “*Historia Naturalia*” Плиния, или одного из его римских последователей.

— Скверно *читаешь*, душа моя... Не по-французски совсем... Понятия не имеешь о французском выговоре» [2, с. 307–308].

Один из одноклассников братьев — гимназист Артемов — учился плохо и в четвертом классе сидел третий год: «Книжек он никаких не *читал*, учиться почти никогда не учился, рассказывать тоже никогда не рассказывал, хотя и любил молча слушать рассказы других» [2, с. 564–565].

Такие, как Артемов и подобные ему гимназисты, очень скоро потеряли свою первоначальную привлекательность в глазах автобиографического рассказчика (а привлекали своей самостоятельностью, напускной мужественностью, дерзостью, взрослыми привычками). Они автоматически переместились для братьев в поле неинтересного, не стыкующегося с внутренними установками, заданными на генетическом уровне, в поле чужого.

Братьям Шараповым интересно учение, познание нового, им нравится получать сведения из прочитанного, прикасаться к дотоле неизведанному, но такому притягательному, они интуитивно чувствуют благодатное воздействие этого процесса и с удовольствием погружаются в таинственный и одновременно готовый раскрыть все свои тайны мир. «Сочетание *читать книгу* на страницах романа встречается не часто, и само это сочетание является своеобразной характеристикой, границей, отделяющей хорошее от плохого, „свое“ от „чужого“» [4, с. 54]: «Скоро обычное жужжание *читающих* голосов и скрип пишущих перьев наполнили наш многолюдный, плохо освещенный класс. Мы с Алешей уселись, обнявшись, как это мы всегда делали, над одной и той же книжкой, и самым добросовестным образом ушли всеми помыслами в географию Древней Греции. В истории Смарагдова это считалось самым трудным, почти неодолимым местом» [2, с. 333].

Братья делают свой выбор и делают его осознанно, постепенно убеждаясь в преимуществе знания над невежеством: «Напротив того, все, чего не любил и не делал Артёмов, мы именно любили и делали: мы отлично учились и всегда все знали, что спрашивал учитель, мы *читали* интересные книжки по целым дням и ночам, мы занимались и рисованием, и сочинительством» [2, с. 565–566].

О сочинительстве в жизни автобиографического героя требуется сказать отдельно. Вот как пишет об этом Марков: «Мы, братья, усердно занимались сочинительством, <...> у каждого из нас были наготовлены и поэмы, и драмы, и рассказы, и повести, которые мы *читали* друг другу» [2, с. 270].

Благотворное влияние на становление писательского таланта оказал не только сам факт сочинительства, но и возможность поделиться результатами своего творческого труда с единомышленниками — прочитать свой опус и почувствовать радость от того, что твоя мысль обрела форму и запечатлелась на бумаге и во времени. Особое место и здесь занимает процесс чтения: «Целых три часа непрерывно *читал* нам Борис изумительную историю своего удалого пана Холявы, и мы слушали ее, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Восторгу нашему не было предела» [2, с. 270].

Успешное овладение большим объемом информации, интерес к хорошей и разнообразной беллетристике служили добротным фундаментом для детского увлечения, которое впоследствии переросло в профессиональное занятие.

Таким образом, проделанный нами разбор текстов автобиографических романов Е. Л. Маркова «Барчуки. Картины прошлого» и «Учебные годы старого барчука: Рассказы из прошлого» позволяет говорить о том, что в жизни провинциального гимназиста процесс чтения вбирал в себя весь диапазон значения этого глагола — от произнесения молитвенных текстов до чтения учебной, общепознавательной и развлекательной литературы, а также собственных сочинений. Подобное обращение к печатному и звучащему слову было приоритетным для провинциального гимназиста, развитого от природы ребенка, получившего домашнее воспитание в интеллигентной семье.

Библиографические ссылки

1. Марков Е. Л. Барчуки. Картины прошлого. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. XII.
2. Марков Е. Л. Учебные годы старого барчука : Рассказы из прошлого. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1901. Т. VIII.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 4.
4. Праведников С. П., Францова Н. В. Книга в жизни курских гимназистов (на материале романа Е. Л. Маркова «Учебные годы старого барчука») // Курское слово. 2025. № 30. С. 51–59.